

Оглавление

Глава 1 . ЧУЖАЯ ТЕРРИТОРИЯ	7
Глава 2. ХИЛЬДА БРУК.....	17
Глава 3. ПОДГОТОВКА	27
Глава 4. АТЕЛЬЕ НА ЭСПЛАНАДЕ	35
Глава 5. ПРОШЛОЕ НАСТИГАЕТ	55
Глава 6. ХУГИН И МУНИН.....	65
Глава 7. ХЕЛЬСИНКИ.....	76
Глава 8. КРАСНЫЙ СВЕТ	85
Глава 9. КРЫСЫ В САКВОЯЖЕ.....	96
Глава 10. ПУТЬ НАВЕРХ	105
Глава 11. ОТКРЫТИЕ	113
Глава 12. НИЧТО НЕ ЗАБЫТО	117
Глава 13. ОШИБКА МАСКИРОВКИ	135
Глава 14. ЛЕБЕДИ НАД МОРЕМ.....	144
Глава 15. ИГРУШЕЧНЫЙ СЛОН.....	153
Глава 16. ДАМА ИЗ БАШНИ.....	163
Глава 17. НАМ НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИТЬ	169
Глава 18. МАЛЬЧИК КИМ.....	184
Эпилог	189

*Автор выражает благодарность за помощь
в работе Наталье Ивановой,
Юрию Суходольскому, Александру Дюкову.*

*Посвящается памяти Феликса Дмитриевича
Сутырина — советского дипломата,
резидента и прекрасного собеседника.*

Глава 1

ЧУЖАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Мальчик Ким, замороженный обыденностью смерти, пристально разглядывал крошечные розовые ладони, младенческие пальцы и когти погибшего зверька. мех с отливом серебра и широко открытые, словно бы удивлённые чёрные глаза. Милое существо, словно вылепленное искусным игрушечным мастером, было прихлопнуто железной скобой ровно поперёк невесомого тельца.

Мальчик почувствовал, как слёзы подступают к глазам. Вчера, помогая дяде Лёше устанавливать мышеловку, он не успел задуматься о том, что мышь и правда может в неё угодить, и не предполагал, что зверёк окажется таким прекрасным.

— Попалась? — дядя Лёша вышел из ванной, энергично вытирая голову жёстким полотенцем.

Ольга Погодина-Кузмина

Ким перевёл взгляд на крепкие плечи, на шрамы от ранений на груди отчима.

Мальчику было стыдно распускать нюни перед ним, героем войны. Ким изо всех сил сдерживал рыдание, но сухой комок в горле не давал вздохнуть, и что-то сильное, неодолимое, распирало грудь.

— Ну-ну, — Нестеров потрепал мальчика по волосам. — Давай-ка выкинем её в ведро.

Но Ким уже рыдал, стыдливо уткнувшись лицом в локоть, сотрясаясь всем своим худеньким телом.

Алексей опустился на табурет, чтобы стать вровень глазами с десятилетним Кимом.

— Ну, развёл мокрое дело... Мне ведь тоже мышку жаль. Убивать — работа нелёгкая.

Взял из кармана пиджака, висящего на спинке стула, свой отглаженный, одеколоном пахнущий платок, протянул мальчишке.

— Но есть в жизни правило, Ким: на чужую территорию не заходи. Если тымышь — живи в поле, в лесу, мы тебе не причиним вреда. А раз пришла в наш

Олимпийская башня

дом, не обессудь. Тут уж мы с тобой как с оккупантом... Вроде как с Гитлером, понимаешь?

Утирая лицо, мальчик кивнул. Нестеров открыл мышеловку, сбросил зверька на старую газету, завернул и выкинул в мусорное ведро. Накинул куртку и пошёл выносить мусор во двор.

Вернулась Анна, мать Кима — бежала снимать мерки к заказчице, принесла с рынка свежих яиц, плетёнку с маком. Сели завтракать.

Вчера Алексей за вечерними хлопотами забыл, а скорее, не стал торопиться сообщать вроде бы и важную, но в неопределённость будущего направленную новость. Однако утром появилось стойкое чувство, что предназначенное свершится именно так, как он предполагал, словно бы за ночь стрелка его жизненного компаса выбрала направление и материя времени оформилась в непреложный факт.

Он проговорил словно между прочим:

— Помнишь, Лысогоров — кучерявый такой, недотёпа? Представь — руку сломал на тренировке!

Ольга Погодина-Кузмина

Анна повернулась к Нестерову. По её лицу, словно тень пролетевшей птицы, скользнула тревога.

В чёрных глазах этой молчаливой, бледной, хрупкой, словно подросток, женщины обитала целая стая трепетных птиц: нежность, растерянность, радость и вечное ожидание новой какой-нибудь беды. Нестеров знал, что птиц не обманешь улыбкой или показной беспечностью. Нужно быть честным, не фальшивить даже ради самых добрых побуждений, всё выкладывать начистоту.

— Срочно ищут ему замену... Если не найдут, придётся ехать мне.

Ким, уже забывший о недавних слезах, с аппетитом уплетал бутерброд.

— Куда ехать, дядя Лёша?

— На Олимпиаду в Хельсинки.

Анна молча, непонимающе моргала, словно пыталась перевести слова Нестерова с чужого языка. А Ким задохнулся от радостного изумления.

— На Олимпиаду?! Вот прямо сейчас?

— На той неделе. Сначала на базу в Эстонию, а оттуда...

Олимпийская башня

Обхватив прозрачными ладонями чашку с синими цветами — почти в цвет голубым жилкам на её руках, — Анна сделала несколько глотков остывшего чая. Вскочила, начала суетливо убирать посуду со стола.

Голос Кима звенел счастливым отчаянием.

— Вот здорово! В школе скажу — ведь не поверят! Дядя Лёша! Ты будешь там стрелять?

— Да, Ким, буду стрелять... А в школе скажи — я, как вернусь, к ним сам приду, всё расскажу, пускай не сомневаются. Только ты потом скажи, когда мы золото возьмём.

— А вдруг не возьмём? — растерялся Ким.

— Значит, пока им лучше не знать, согласен? Пусть будет приятный сюрприз.

Мальчик серьёзно кивнул.

Нестеров поднялся, взглянув на Анну, пытаясь продолжить молчаливый разговор с тревожными птицами. Женщина отвела глаза.

Алексей Нестеров, тридцати восьми лет, мастер спорта, инструктор стрелкового клуба, войну окончил в звании капитана. Командовал батальоном связи пограничных войск. Был трижды ранен, имел боевые награды.

Внешность свою считал самой обыкновенной — тёмно-русые волосы, серые глаза, рост чуть выше среднего, руки и ноги на месте. Внимание слабого пола к своей персоне объяснял вполне понятным дефицитом мужчин в послевоенное время. Глазастые сестрички в медсанчасти, разбитные малярши в рабочих бригадах, томные буфетчицы с начёсами и совсем юные, вошедшие в пору уже после войны, дочери партхозактива — Алексей мог выбрать любую. Но полгода назад, под новогодние праздники, в жизнь его случайно вошла неприметная мать-одиночка с вечно опущенными ресницами и плотно сжатыми губами.

Жалел её? Да. Хотел отогреть, заслонить собой от призраков страшного прошлого. Привязался к её парнишке, видел свою общественную задачу в том,

Олимпийская башня

чтобы Ким вырос хорошим, правильным человеком с душой и совестью. Да что лукавить, Алексей и сам питался их нерассуждающей беззаветной любовью, вокруг себя выстраивая стену. Потому и выбрал Анну, что она ничем не напоминала ту давнюю, виной и болью застрявшую в сердце, погибшую в двадцать лет...

Нестеров думал об этом, пока шёл по Гоголевскому бульвару на спортивную базу, чтобы узнать решение комиссии.

После дождя выглянуло солнце, осветило мокрую листву. Москва нарядная, мирная, сытая. 1952 год — а будто и не было страшной войны. Карточки отменили, открылись новые рынки, столовые, рестораны. Пенсионеры играют в шахматы на скамейке. С лотка продают мороженое — вафельные брикеты в пергаментной бумаге. Гуляют женщины с колясками. Взавшись за руки, парами, идут-щебечут школьники, не знавшие голода, бомбёжек, страха. Даст бог, и не будут знать.

Мужчина в строгом пиджаке, высокий, седоватый, в роговых очках, вдруг привстал со скамейки.

Ольга Погодина-Кузмина

— Товарищ Нестеров! Видел вас на базе... Вы на комиссию?

— Да.

— Пойдёмте, я провожу. Меня зовут Серов, Павел Андреевич, спортивный клуб «Динамо». Назначен в руководство тренерского штаба, заведующий по общим вопросами.

Алексей протянул руку.

— Нестеров, Алексей Петрович. Спортивный клуб Советской Армии.

Вместе пошли вверх по бульвару.

— Посмотрел вашу анкету. Войну прошли. Войсковая разведка, операции в тылу противника... Потом налаживали связь. А до войны успели послужить в Германии. И языками владеете.

Нестеров уже догадался, что за человек его поджидал на бульваре. Но куда повернёт разговор, ещё не понимал.

— Алексей Петрович, вы включены в состав сборной. Поздравляю.

Нестеров кивнул.

— Благодарю.

— Не буду говорить красивые фразы... Сами понимаете — в Хельсинки под видом дипломатов, журналистов съедутся сотрудники всех западных

Олимпийская башня

спецслужб. Возможны провокации, вербовки. Да что угодно может быть!

Серов достал серебряный портсигар с красивой чеканкой — Кремль, Красная площадь. Открыл и протянул Нестерову. Алексей мотнул головой.

— Спасибо, бросил полгода назад. Сразу предупреждаю — шпионить и доносить на товарищей не буду, не приучен.

Серов остановился, чтобы прикурить папиросу.

— Неравнодушных граждан у нас хватает, Алексей Петрович, даже с избытком... Тут другое дело... — Серов выдержал паузу. — Впрочем, поговорим в спокойной обстановке. Сможете зайти к нам в приёмную, Кузнецкий мост, 22? В понедельник, около шестнадцати ноль-ноль. Там коммутатор, мой служебный 30-25. Давайте я вам запишу.

Нестеров сделал отрицательный жест.

— Не надо, я запомнил.

Попрощался кивком. Разошлись.

Через пару шагов, сворачивая на тротуар, Нестеров обернулся. Ему захотелось навсегда запечатлеть в памяти

Ольга Погодина-Кузмина

этот тёплый день, бульвар, гуляющих граждан советской страны, которых не смогли поработить и уничтожить полчища врагов, вооружённых лучшими технологиями мира. В эту минуту Нестеров ощутил, что может уже никогда не вернуться в это счастливое настоящее из того неизвестного будущего, которое ему предстоит.

Глава 2

ХИЛЬДА БРУК

День в редакции хельсинкской «Рабочей газеты» начался как обычно. В кабинете главного редактора Ярвинена обсуждали план субботнего номера: интервью с министром спорта, репортаж о готовности стадионов, расписание радиотрансляций футбольных матчей.

Пухленькая, лупоглазая, с ямочками на щеках секретарша Лемпи, встряхивая светлыми кудряшками, делала пометки в блокноте. Её нарядная блузка цвета нежной бирюзы оживляла сумрак кабинета, захламлённого книгами, бумагами, газетными подшивками.

Ярвинен, бывший бригадир рыбацкой артели, могучий, с крупными чертами лица, с вечно озабоченным выражением — спорил с выпускающим редактором, близоруким и въедливым Раймо Ранта, который, не прекращая спора, привычно просматривал полосы,

Ольга Погодина-Кузмина

выискивая «блех», пропущенных корректором. Штатный репортёр и фоторедактор Матиас Саволайнен, худощавый, высокий, лет сорока на вид, так же привычно отбирал иллюстрации под материал.

То и дело входили и выходили репортёры, открывалась дверь, от сквозняка шевелились гранки, прикреплённые к пробковой доске, а в кабинет врывается шум редакции — голоса, телефонные звонки, стук печатных машинок.

— Где этот Линд? — хмурился Ярвинен, поглядывая на часы. Редактор отдела новостей по обыкновению запаздывал на планёрку.

Наконец, вместе со сквозняком в кабинет вкатился человек небольшого роста, с набок свёрнутым носом, напоминавшем утиный клюв, с вечно торчащими на макушке чёрными жидкими волосами. Мешковатые штаны и засаленный пиджак подчёркивали его сходство с комиком Чарли Чаплиным.

— Где тебя носит, дьявол побери? — без церемоний набросился Ярвинен на давнего соратника и приятеля. — Где обзор по воскресным ярмаркам?

Олимпийская башня

Линд не отвечал, он явно был взволнован. Плотно прикрыв дверь, оглянувшись на бирюзовую Лемпи, словно прикидывая, стоит ли при ней сообщать важную новость. Но дело не терпело отлагательств.

— Русские обстреляли над Балтикой два шведских самолёта... Машины затонули. Лётчиков подобрало торговое судно. Направляются в порт. К нам, в Хельсинки...

Ярвинен, человек взрывного, холерического темперамента, мгновенно пришёл в раздражение.

— Чёрт побери! За две недели до Олимпиады... Зачем Советы это делают?!

Линд развёл руками.

— Кто может знать?

Раймо Ранта, протирая очки, по обыкновению нарисовал самый пессимистический сценарий.

— Сейчас поднимется шумиха, заявления послов, выступления в Совбезе... США объявят бойкот состязаниям, к нам никто не приедет.

— Не каркай! И без тебя знаю, чем все может обернуться!